Кирилл Титаев, Мария Шклярук

«Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом

Российский юридический язык сильно отличается от повседневного языка и при этом является очень устойчивым — языковые приемы, используемые в уголовном судопроизводстве, практически не изменились за последние сто лет. В статье этот феномен анализируется на стыке между проблемой социализации следователя и функционирования языка в профессиональном сообществе. Исследуется методика обучения следователя, основные формы профессиональной социализации, способы передачи навыков. Раздельно рассматриваются различные группы речевых навыков и показывается их роль в профессиональном обучении. Фиксируется, что основная задача следователя — это квалификация деяния. Для ее решения требуется связное изложение и интерпретация фактов таким образом, чтобы они соответствовали локальному шаблону «правильно» доказанного преступления. Освоение этого навыка следователем позволяет существенно ускорить процесс расследования уголовного дела, его проверки прокурором

Титаев Кирилл Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, эмпирическое правоведение, исследования полиции, исследования судебной системы. E-mail: ktitaev@eu.spb.ru.

Titaev Kirill Dmitryevich — Senior Research Fellow at the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Empirical Legal Studies, Police Studies, Court Studies. E-mail: ktitaev@eu.spb.ru.

Шклярук Мария Сергеевна — кандидат экономических наук, L. L. M. (Hamburg), научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, сравнительно правоведение, экономический анализ права. E-mail: mshklyaruk@eu.spb.ru.

Shklyaruk Maria Sergeyevna — Candidate of Sciences in Economics, L. L. M. (Hamburg), Research Fellow at the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Comparative Law, Economic Analysis of Law. E-mail: mshklyaruk@eu.spb.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», поддержанного Российским научным фондом.

и рассмотрения в суде. Наличие эзотерического профессионального языка, который осваивается только на практике, позволяет поддерживать и укреплять профессиональную монополию следователей. Исследование опирается на материалы уголовных дел, интервью и опроса следователей.

Ключевые слова: социология права, уголовное судопроизводство, следователи, юридическая профессия, юридический язык

Kirill Titaev, Maria Shklyaruk
In Terms of Official Record: a Study of the Connections between Legal Language, Everyday Worklife and Organizational Context

Russian legal language has little to do with everyday Russian. At the same time, it is very stable. Its evolution during the last century was insignificant, especially in the field of criminal justice. This article is focused on investigators' reports, bills of particulars and other documents of the pretrial stage of criminal prosecution. We are analyzing these materials in the context of the professional activity of Russian investigators and their professional socialization. The article shows that the process of professional socialization and learning the professional (legal) language is informal and mostly disconnect from formal legal education. The article describes different forms of investigators' socialization in their workplace and different groups of professional skills. We focus our research on the skills of professional writing. Legal guidelines teach us that the key question for the investigator is «How to classify this violation of law?». This is not true. The investigator is a storyteller. He/she has to bring fragments of evidence and his/her own interpretations together into the integral picture of the crime, like some kind of mosaic or «the golden cage of evidence». And the specific writing skills are the key instrument of this work. The last section of the article is focused on the social role of this manner of writing. The formal and unified style of writing makes it easier to control the investigator's and prosecutor's (judge's) work. At the same time, this sort of language socialization creates and secures the professional monopoly and the closeness of the profession. The Article is based on the analysis of formal documents from casefiles, interviews with investigators and results of the corresponding sociological survey.

Keywords: sociology of law, criminal justice, investigators, legal profession, legal language

Введение

Первое, что удивляет любого человека, который сталкивается с миром юриспруденции — читая ли контракт, слушая официальное интервью судьи, подписывая протокол об административном правонарушении, — это тот совершенно особый язык, который используют юристы. Самая обыденная и простая реальность описывается совершенно особым способом: с использованием странных

и непривычных грамматических конструкций, необычной лексики. Простые вещи внезапно начинают именоваться длинными и непонятными описательными оборотами.

Эта статья[1] — попытка показать некоторые ключевые элементы данного языка в России, а также проанализировать социальные механизмы, требующие его формирования, и последствия для социальной организации профессии, которые определяются его наличием. Дело в том, что возникновение и существование особого юридического языка[2] — это социально обусловленный процесс. Язык возникает потому, что дает определенные дополнительные возможности профессиональному сообществу. Одновременно факт жизни внутри определенного закрытого языкового континуума определяет специфичные черты работы юриста.

Эмпирическая часть статьи ограничена одним из видов юридической деятельности — расследованием преступлений. Расследование в отличие от раскрытия преступления — это не собственно поиск преступника, а процесс сбора и фиксации доказательств, которые убедят суд в том, что именно этот человек совершил именно это действие, и именно данное действие является преступным. Поэтому расследование, которое требует вполне определенных юридических навыков, — часть юридической работы, а не работы собственно детективной. Подробнее о том, как выглядит расследование преступления и какова его специфика в России, мы расскажем ниже. Обращение именно к этому эмпирическому материалу обусловлено двумя фактами. Во-первых, подавляющее большинство законодательства (в том числе гражданского и административного) и основная масса правоприменительной практики в России имеет корни в уголовном процессе [Волков, 2015, гл. 4]. Во-вторых, внутри уголовного процесса именно следственные действия и документы, их фиксирующие, дают основной объем бумажной работы. Следователь — это главный «писатель» в российском уголовном процессе.

Статья опирается на несколько групп материалов. Во-первых, это собственно материалы уголовных дел, которые интерпретируются одним из соавторов с учетом собственного опыта работы следователем (своего рода апостериорная интроспекция). Одновременно предпринимается попытка обобщить этот профессиональный опыт, посмотреть на него глазами социолога или антрополога. Во-вторых, это материалы интервью со следователями, которые прово-

1 См. размышления на близкие темы [Титаев, 2014; Шклярук, 2014].

2 Здесь и далее мы употребляем этот термин без кавычек, понимая под ним набор специфических лексических и грамматических инструментов, делающих текст приемлемым внутри юридического сообщества в качестве документа того или иного рода (контракта, приговора и т. д.).

дились в разное время и с разными целями, но практически всегда включали в себя блок вопросов, связанный с профессиональной социализацией. И, наконец, это результаты опроса следователей[1], который проведен в трех российских регионах в 2014 г. (опрошены 680 следователей, в каждом регионе использовалась сплошная выборка, уровень не-ответов от 40 до 60%).

В качестве основных документов, производимых следователем, мы рассмотрим протокол и обвинительное заключение в уголовном деле — одни из важнейших и, что важно, из самых массовых документов. Каждое уголовное дело включает в себя десятки, а то и сотни протоколов: протоколы об осмотре места происшествия, протоколы допросов всех свидетелей, подозреваемого, потерпевшего и так далее; половина из них (около миллиона в стране за год) завершается обвинительным заключением. В России в год пишутся десятки миллионов документов такого рода. Все они будут обладать двумя свойствами: являться частью уголовного дела и производиться следователем или дознавателем.

По сути, свой профессиональный язык есть у каждого вида деятельности [Bhatia, 1993]. Однако юридический язык имеет свою специфику — формально он касается нас всех [Tiersma, 1999]. Подписывая контракт или свои показания в качестве, например, свидетеля, люди, выключенные из этого профессионального мира, вынуждены делать вид, что они этим языком владеют. При этом существует множество исследований, посвященных профессиональным языкам как таковым, — тому, как они функционируют, для чего нужны и т. д.

Здесь мы и пытаемся охарактеризовать структуру этого языка, но только справочно, настолько, чтобы читателю было понятно, на каком материале раскрывается основная мысль статьи. Центральной категорией для нас будет понятие речевых или языковых навыков или техник (мы, понимая все ограничения, будем использовать эти термины как синонимы). Под ними мы подразумеваем те приемы профессиональной письменной речи, владение которыми необходимо для того, чтобы готовить приемлемые (воспринимаемые контрагентами как пригодные) тексты такого рода[2]. Мы попробуем также показать, как эти навыки переформатируют повседневную работу следователя, как сказываются на тех, с кем он работает, и как влияют на систему уголовного преследования в России в целом.

---

1 Опрос проведен при поддержке Фонда Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив.

2 О разделении языка как системы и конкретного навыка у юристов см. [Tiersma, 1999; Mertz, 2007].

Таким образом, мы не будем говорить о некоторой целостной системе правил, определяющих значение слов и правила их соединения (языке), ни о том, как принято пользоваться этим языком (речь). В фокусе нашего исследования фигура конкретного социального актора — следователя, и отдельные приемы, которые создают универсум этой профессии, позволяют следователям быть относительно взаимозаменяемыми и спокойно перемещаться между разными позициями в системе уголовного преследования. Эта задача несравнимо уже, нежели попытка описать в целом юридический язык, но может являться некоторым пролегоменом к созданию такого глобального описания.

В англоязычном мире существует множество социологических или — шире неюридических исследований того, что представляет собой юридический язык [Tiersma, 1999]. Исследователи фокусируются на самых разных вопросах: язык как механизм социализации, как инструмент выстраивания границ, как механизм обеспечения специфической медиативной функции юриспруденции. В соответствующих частях текста мы будем обращаться к этому материалу.

Предлагаемое исследование представляет собой попытку пойти довольно традиционным путем: сфокусироваться на вопросах, как именно определенные языковые техники мобилизуются в повседневной работе, посмотреть на связку между языковыми приемами (которые мы интерпретируем как навыки совершения определенных речевых действий[1]) и профессиональной повседневностью. При этом речь идет преимущественно о письменной речи, так как юридическая работа в России, как и в большинстве систем, наследующих континентальной правовой традиции[2], опирается на письменные документы, а не на устную речь в суде. Рассматриваются вопросы о том, как освоение определенных языковых навыков связано с организационным контекстом работы механизмами оптимизации нагрузки, выстраиванием внутрипрофессионального взаимодействия.

В равной степени решается и обратная задача: показать, как юридический язык оказывает влияние на рабочие практики, ор-

1 При этом важно понимать, что завершенное речевое действие следователя является едва ли не самым перформативным в социальном мире. Строчка протокола, которая фиксирует ответ на вопрос, строчка обвинительного заключения сразу и радикально меняют положение человека или вещи в обществе.

2 Принято различать систему общего права, где в качестве источника права наряду с законами могут выступать и судебные решения, и континентальную, где суд не создает право, а лишь его применяет. Соответственно в континентальном судопроизводстве существенно выше роль документов и существенно ниже — устного судоговорения.

ганизационный дизайн, повседневные представления юриста, его использующего. Связка «языковой навык» — «профессиональная повседневность» — «структурно-организационный контекст» рассматривается как система, в которой все элементы взаимосвязаны и подвержены взаимовлиянию. Наша задача — показать, как определенные речевые навыки влияют на содержание и контекст работы, а также как это содержание и контекст определяют востребованность строго определенных профессиональных речевых навыков. Вопреки общепринятой модели, по которой обычно выстраиваются статьи, посвященные юридическому языку, мы попробуем сначала показать, как устроен язык следователя, предварив его краткой справкой о том, кто же есть следователь в России. Затем попробуем систематизировать эти языковые навыки с точки зрения их роли в профессиональной повседневности. И, наконец, представим, как наши выводы соотносятся с социологическими взглядами на юридическую профессию в современной литературе.

Российский следователь: зачем нужна эта работа[1]

В этом разделе мы попробуем кратко показать, чем на практике занимается следователь, и проиллюстрировать мысль о том, что профессиональная социализация следователя происходит на рабочем месте в ходе повседневного общения с коллегами. Роль формальной социализации в вузе или во время стажировки оказывается особенно скромной при том, что такая тенденция наблюдается и в других профессиях.

Одной из особенностей российской правоохранительной системы является унаследованное от советской правовой системы [Головко, 2010, с. 26] разделение на следователей, дознавателей, оперативных уполномоченных (или в более широком смысле на органы дознания[2] и оперативно-розыскные службы). Выделение таких процессуальных фигур, отделение их от прочих общеполицейских служб должно было обеспечить независимость принятия решений следователями. В более глубокой исторической перспективе фигура следователя и идея его процессуальной независимости восходит к следственному судье, появившемуся во время судебной реформы 1864 г. [Смирнов, 2014]. Именно следователь в России принимает наибольшее количество решений в ходе расследования уголовного дела.

1 Ранняя версия этого фрагмента статьи была представлена в качестве отчета для Фонда Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив.

2 К которым относятся и участковые уполномоченные, проводя проверку в порядке ст. 144–145 УПК РФ, по результатам которой принимается решение о том, есть ли основания для возбуждения уголовного дела.

Важным является понимание практики принятия решений, связанных с уголовным преследованием. Если мы посмотрим на процедуру принятия решения в ходе рассмотрения сообщения о преступлении и последующего расследования и рассмотрения уголовного дела, то увидим несколько акторов. Это сотрудники органов внутренних дел[1], дознаватели и следователи МВД (и их руководители), следователи СК (и их руководители), прокуроры, судьи.

Первоначальные социологические исследования механизмов, которые влияют на принятие решений судьями [Волков (ред.), 2012a; Волков и др., 2012; Волков (ред.), 2012c], показали, что один из самых важных — ожидаемая реакция вышестоящих инстанций, т. е. организационный фактор. Последующие исследования, ориентированные на досудебные стадии [Волков (ред.), 2012b], кроме этого выявили сильное отсеивание уголовных дел с непредсказуемым судебным решением до направления дел в суд [Шклярук, 2014; Шклярук и др., 2015]. Это значит, что свыше 90% уголовных дел, доходящих до суда, содержат признание вины [Волков, Титаев, 2013]. Система внутриведомственных оценок всех органов, участвующих в досудебной цепочке, стимулирует сотрудников ведомств минимизировать сбои при переходе информации о преступлении от стадии знания о нем до передачи дела в суд [Панеях, 2011]. Таким образом, на каждой стадии необходимо выдать максимальный объем решений, риск отмены или изменения которых вышестоящими инстанциями будет минимальным. В результате перед тем как принять работу стоящего раньше по цепочке, ее нужно тщательно проверить, чтобы дальше не возникло сбоев. Такая проверка перед переходом на каждый следующий этап создает ситуацию, когда сколь-либо сомнительные дела просто не двигаются дальше. В результате оптимальной стратегией поведения при этом является смещение принятия значимых процессуальных решений на этап, предшествующий тому, который предусмотрен законом.

Учитывая, что фактическое решение о виновности лица принимается на досудебной стадии, логично предположить, что именно следователь — основной актор досудебной стадии расследования — должен находиться в фокусе внимания. Кто же такие российские следователи, вернее, в чем состоит их работа?

Сегодня следователи работают в четырех разных ведомствах: СКР, МВД, ФСКН и ФСБ. ФСБ расследует в год около 4500 преступлений, что при общем числе регистрируемых преступлений, превышающем 2 млн, не оказывает существенного влияния на практи-

1 Как правило, под ними понимаются оперативные уполномоченные, но на практике значимую роль играют участковые, а по отдельным категориям дел — сотрудники ГИБДД (ДТП) или ППС (ст. 318 УК РФ).

ку расследования. Следователи МВД расследуют 50% уголовных дел в России и 83% уголовных дел, расследуемых в форме следствия[1]. Именно эта практика расследования уголовных дел является определяющей для формирования общих правил работы системы уголовного преследования. На ней мы и сосредоточим свое внимание.

В типовом случае следователь включается в работу тогда, когда есть твердое понимание, что преступление имело место и надо возбуждать уголовное дело. С этого момента задача следователя — собрать (иногда с помощью оперативных работников) и, что гораздо важнее, должным образом оформить всю доступную и имеющую значение информацию о произошедшем преступлении. Его работа состоит в производстве документов. Если задача оперативного работника — установить подозреваемого, то задача следователя — сформировать пакет документов, который убедит суд в виновности конкретного лица. Или же, если судебной перспективы у дела нет (например, преступник не установлен), то документы покажут полицейскому руководству, что все необходимые действия, тем не менее, совершены.

Как показывают опросные данные, средний российский следователь — женщина (71,7%) в возрасте 31–32 года, начавшая работу следователем непосредственно после окончания вуза (вуз МВД или университет), с равной вероятностью очно или заочно, никогда не переезжавшая за пределы того региона, в котором родилась. Следователи осознают себя именно как профессиональная группа, работа которой направлена на формирование доказательной базы, а не на поиск преступника — менее 20% выбрали в опросе детективную модель собственной профессии.

Технология обучения и модель профессиональной социализации

— Чему вам пришлось учиться, когда вы пришли работать?
— Всему.
МВД, следователь

Такое сочетание вопроса и ответа — самое популярное в интервью со следователями. Формальным требованием к кандидату на дол-

1 Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрено расследование преступления в форме следствия и в форме дознания. Первое касается более сложных и тяжких преступлений, второе — подразумевает более простые процедуры и ориентировано на передачу в суд более простых дел. Примерно 40% дел в России расследуются в форме дознания.

жность следователя является высшее юридическое образование. Кроме юридических факультетов гражданских вузов и МВД прокуратура (а теперь уже и СКР, и ФСИН, и другие службы) имеет свои специализированные вузы, в которых юридическое образование нацелено на подготовку следователей и дознавателей. Но независимо от того, гражданский или ведомственный юридический факультет закончил следователь, первым ответом на вопрос об обучении при переходе от студента/выпускника к работе/практике остается «учился всему».

С ограничениями метода мы столкнулись с самого начала — интервью как способ сбора информации о процессе обучения не подходило: ответы были бессодержательными, в лучшем случае следователи говорили: «*ну, у коллег учился всему*», «*а вот еще была книжка такая — руководство следователя, много полезного*». Тогда мы предположили, что обучение происходит скорее «глазами и руками», содержание такого процесса сложно описать словами, поскольку следователь многое осваивает, просто копируя. Например, создает новые документы для уголовного дела, ориентируясь на текст и оформление предыдущих, написанных коллегами или их предшественниками. В ходе опроса 87,5% следователей указали, что пользовались образцами, взятыми у коллег в отделе. Следователь смотрит, как допрашивают старшие коллеги, как они общаются с оперативниками. До подписания протокола свидетелем неопытный следователь показывает документ начальнику или наставнику, тот указывает на ошибки: *«непонятно записал», «не выяснил ущерб или иное важное обстоятельство».* С появлением компьютеров исправлять тексты стало легче, раньше была возможность продолжить текст допроса от руки, выяснив недостающие подробности (или переписать заново в случае серьезных с точки зрения старшего коллеги «недостатков»).

О: «Расследовать дела — этому пришлось сильно учиться, <...> пришлось учиться, как оформлять бумаги <...>. Ну, когда приходишь, нужно, конечно, чтобы у тебя был наставник грамотный, который тебе оказал бы помощь, научил тебя всему этому. Потому что естественно, когда ты приходишь, ты не знаешь, как правильно оформить допрос, ни как правильно его провести, ни тактику допроса. Чему-то учат в институте, но приходишь сюда — понимаешь, что это совершенно другое, что здесь нужно учиться у следователей, которые являются твоими наставниками.

В: А вот это обучение, как происходит? Вот вы сидите в одном кабинете, смотрите, как человек делает или что-то сделали — принесли, показали?

О: Нет, во-первых, мы, конечно, первое время смотрели, как работали, как допрашивали, присутствовали на допросах, то есть реально получали знания, находясь при следственных действиях <...>. Выезжали на место происшествия со следователем, потому что, если ты сам поедешь на место, потом покажешь своему наставнику, что ты там сделал — потом

исправить не удастся — то, что ты сделал на месте. Поэтому, конечно, консультировались, вопросы задавали: почему сделали так, почему спросили то? Как нужно было правильно в этой ситуации сделать?» (МВД, следователь).

Кроме того, выяснилось, что в МВД обучение следователей чаще всего проходит на нераскрытых делах, «которые не жалко». Почти в каждом описании следователем своей карьеры встречается упоминание о том, что «сначала сидел на глухарях/нераскрытых». «Глухари» — это дела, где, по мнению следователя, а чаще его руководителя и работников тех полицейских служб, которые отвечают за раскрытие, шансов установить преступника нет. Тем не менее следователь обязан совершить целый ряд действий: допросить потерпевшего и свидетелей, провести осмотр места происшествия, написать ряд запросов и поручений. Частично необходимость такой работы объясняется тем, что жертву преступления надо официально признать потерпевшим (например, чтобы снять украденное имущество с налогового учета), частично тем, что — на всякий случай, на будущее — материалы все равно должны существовать. Но велика тут и роль имитации реального расследования преступления: последовательность действий следователя близка к той, что проводится по раскрытому преступлению или такому, по которому есть перспектива раскрытия. По данным опроса, категория «нераскрытые дела» представлена в 63,1% следственных отделов.

После того как этот этап обучения пройден, следователю поручают типовые, рутинные дела, которые составляют основной массив дел любого отдела, и только после этого ему доверяют сложные дела. В целом же главный механизм начального обучения — это работа со старшими коллегами и наставниками с опорой на подготовленные ими для других дел документы. Чем больше мы углублялись в изучение процесса обучения следователей, тем очевидней становилось, что практики обучения (при помощи коллег, исходя из материалов предшественников) и то, чему именно они обучаются (языку фиксации данных в протоколе, оформлению дела), укоренены в профессиональной среде, устойчиво передаются из поколения в поколение. Главное, что служит предметом обучения, — это навык подготовки документов особого рода. В первую очередь протоколов.

Язык протокола — история и составные части

В этом разделе мы проиллюстрируем две мысли. Первая — язык протокола в его нынешнем виде глубоко укоренен в отечественной правоприменительной практике, его основные приемы почти не изменились на протяжении минувшего столетия. Вторая — навык подготовки правильного процессуального документа (и про-

токола в частности) распадается на несколько отдельных навыков, которые рефлексируются в элите профессионального сообщества, но не становятся предметом обсуждений и размышлений на низовом уровне, там, где эти навыки реально передаются из поколения в поколение.

Возникновение языка протокола

Мы лишены возможности проследить практики расследования с момента их возникновения. Считается, что современные правила написания протоколов восходят к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., закрепившему письменный характер предварительного следствия [Малютина, 2009, с. 50]. В подтверждение этого мнения приводят курс уголовного судопроизводства И. Я. Фойницкого, считающегося одним из основоположников российской науки об уголовном процессе: «все действия предварительного следствия записываются в протоколы, от которых закон требует величайшей подробности», от протоколов требуется точное описание результатов наблюдения и деятельности следователя» [Фойницкий, 1995, с. 84; Малютина, 2009, с. 50]. Однако и до реформы уголовного судопроизводства 1864 г. судебный процесс был в принципе письменным и представлял собой «битву документов». Важная точка в развитии языка протокола — появление после реформы фигуры следственного судьи/судебного следователя. А. В. Смирнов так описывает последствия судебной реформы: «Соединив судебную и следственную власть в лице следственного судьи, который сначала есть следователь, и только потом судья, он открыл перспективу формирования судебных доказательств за стенами суда, уже в ходе предварительного следствия. Правда, в наследство от судебных процедур предварительное следствие получило *письменно-протокольную форму* фиксации доказательств (курсив — наш), абсолютно необходимую в судебном разбирательстве, но противоестественную для уголовного преследования, но именно она составляет здесь истинный смысл и назначение предварительной подготовки дел. Ведь благодаря этой квазисудебной оболочке, созданным здесь доказательствам разрешена прописка в судебном разбирательстве наравне с теми, что получены непосредственно в заседании суда, хотя первые добыты втайне, а вторые гласно и с участием сторон» [Смирнов, 2014].

Первые советские УПК (1922–1923 гг.) сохранили фигуру судебного следователя (т. е. следователя в штате суда), а затем (1928–1929) следователи вошли в штат прокуратуры. В середине 60-х годов XX века следственные полномочия помимо прокуратуры получили органы внутренних дел, чем был завершен процесс смешения судебной, обвинительной и полицейской функций [Там же]. Однако, как пи-

шет А. В. Смирнов, «ключевое значение для понимания советского, а затем и российского уголовного процесса имеет то, что в качестве рудимента, оставшегося от предварительной, но когда-то все-таки судебной процедуры, он сохранил письменно-протокольную форму предварительного расследования».

Действительно ли советские следователи многое переняли от царской эпохи или делопроизводство советского периода формировалось в значительной степени самостоятельно?[1] Ответа на этот вопрос у нас нет, но то что практики советского времени трансформировались в обычной работе гораздо меньше, чем изменилось законодательство в 1990-х и 2000-х годах, можно утверждать уверенно. УПК РФ, вступивший в действие в 2002 г., сохранил значимую стадию предварительного, досудебного расследования, его письменный характер и фигуру следователя как лица ответственного за производство расследования, а значит — письменных его результатов. Далее мы используем в качестве примеров не только современные документы, но и более ранние тексты (1928–1929 гг.)[2]. Некоторые различия между современными материалами и текстами 1920-х годов отражают скорее особенности эпохи, а не особенности работы следователей, а общая схожесть показывает существо ремесла, которому обучились их авторы.

Наряду с собственно нормой (тем, что написано в уголовно-процессуальном кодексе) и идеологией процесса (которую описывает профессиональная литература и которая транслируется в ходе получения высшего юридического образования), есть еще один важный инструмент воспроизводства языка протоколов и содержания уголовных дел — это «Руководства следователей». Их часто упоминают следователи в интервью как те материалы, которые пригодилось им в первые годы освоения профессии. Эти книги представляют собой сборники полезных рекомендаций по оформлению документов, проведению осмотров мест происшествия и других следственных действий, по тактике проведения допросов, обысков и т. д., а также одновременно по методике расследования, т. е. по выбору опреде-

1 «*А мне <...> просто повезло с наставником. Это был еще народный следователь* (человек, работавший до войны — *К. Т., М. Ш.*), *который сам учился у судебного следователя* (работавшего до революции — *К. Т., М. Ш.*). Из дискуссии о процессе обучения в интернет-сообществе «Кафедра МАСП».

2 Материалы уголовных дел против старообрядцев-странников 1923, 1929 гг., хранящиеся в Государственном архиве социально-политический истории Кировской области, получены в ходе исследования научным сотрудником отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН Н. Г. Комелиной и любезно предоставлены в распоряжение авторов данной статьи.

ленной последовательности действий при расследовании различных видов преступлений.

Методика расследования преступлений — это своеобразное «дерево решений»: примеры последовательности и содержания следственных действий в зависимости от версий совершения преступления. Однако в зависимости от обстановки на месте происшествия «руководства следователей» предлагают и список версий, и способы их проверки. Было ли совершено проникновение в квартиры с помощью взлома или подбором ключей, могло ли убийство быть совершено по найму? Набор проверочных действий и вопросы, которые надо выяснять, будут разными. Таким образом, «руководство следователя» — это своеобразный практический советчик от криминалистики[1].

До начала 2000-х годов основной авторский коллектив «Руководств следователя» менялся не сильно. В целом эпоха 1970–90-х — это эпоха «криминалистики от Белкина»[2], когда прикладная дисциплина развилась до теоретической науки. К руководствам следователя прилагались отдельные практические книги, например, «Справочник по осмотру места происшествия». В 2000-х годах авторов и книг прибавилось, а в «практические руководства» стали интегрировать и образцы написания документов (по сути являющихся частью другой учебной дисциплины — уголовного процесса), и разделы по проведению следственных действий («с картинками»). Мы использовали «руководства» трех времен: 1971 г. (Белкин выступал одним из авторов, а главным редактором являлся генеральный прокурор СССР), 1981 г. (Белкин выступает главным автором и редактором) и пособие 2000 г. — более простое и ориентированное на натаскивание на полный комплект умений: не столько, что делать, сколько как (Усманов).

Основные составляющие «языка протокола»

Важной особенностью, определяющей содержание работы следователя, является уже упоминавшийся «письменный характер уголовного судопроизводства» [Малютина, с. 3][3]. В методических ука-

1 Наука о методах раскрытия и расследования преступлений, а также фиксации и представления доказательств в отличие от криминологии — науки о причинах и механизмах развития преступности.

2 Р. С. Белкин считается основателем советской криминалистики. В ряду его достижений переход от описания криминалистики как набора приемов и методик (ремесла) к описанию криминалистики как отдельной науки со своим предметом и методом.

3 Мы отмечали выше, что УПК РФ сохранил письменный характер досудебной стадии расследования. Отметим, что закон при этом декларирует

заниях понятие «письменного характера» расшифровывается так: «Вне зависимости от того, каким путем следователя получает доказательства, всегда эта деятельность связана с составлением им соответствующих письменных процессуальных актов. Эти акты могут быть подразделены на постановления о производстве следственных действий, протоколы о ходе и результатах их проведения; служебные письма следователя, содержащие требования о представлении ему предметов или документов, и протоколы о приобщении их к делу. Каждый из названных выше письменных процессуальных актов следователя должен быть надлежащим образом оформлен, в нем нужно зафиксировать полученную следователем доказательственную информацию, и его надлежит поместить в материалы уголовного дела» [Михайлов, Подголин, 1980].

В последней фразе фактически перечисляются группы навыков, связанные с письменным оформлением результатов расследования, и эта классификация совпадает с той, которую можно выстроить на основании наших эмпирических материалов. К ним относятся технические навыки оформления документов, технические и содержательные языковые навыки: умение правильно зафиксировать доказательственную информацию.

Мы разделили технические и содержательные языковые навыки, так как последние тесно связаны с еще одной группой навыков, которые мы выделяем, — умением квалифицировать преступление. Навык квалификации следователь теоретически должен обретать в процессе обучения (в том числе профессионального, вузовского) и как юрист уметь использовать его во всех отраслях права. Ниже мы опишем выделенные нами группы навыков и поясним выбранную последовательность и их место в процессе освоения профессии и итоговом результате — протоколе.

1. Технические навыки. Умение правильно составить/заполнить протокол, составить постановление, подшить документы в дело в нужной последовательности.

важнейшим принципом уголовного судопроизводства устность судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). Теоретически допросы свидетелей должны проводиться перед судом устно, почти любые следственные действия могут быть проведены и судом (назначение экспертизы, непосредственный осмотр места или предмета). На практике «непосредственность и устность» — «суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств» — сводится к зачитыванию протоколов, изучению письменных источников т. д. Подробнее см. [Панеях, Титаев, Шклярук, 2015].

2. Навыки квалификации. Этот навык стержневой для профессии юриста. Суть профессии юриста в том, что абстрактная статья в законе должна быть приложена к конкретной ситуации, имевшей место в реальности. Диспозиции[1] статей УК РФ будут содержать описания типа «кража, то есть тайное хищение имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору», «грабеж, то есть открытое хищение имущества...». Юрист должен соотнести это с известными действиями лица, правильно их квалифицировать. Если один человек забирался в квартиру, а другой «стоял на шухере», преступление совершено группой лиц или нет? Именно подобные вопросы решаются при квалификации. Важность квалификации как навыка привела к тому, что языковые навыки мы разделили на две группы: собственно навыки квалификации и технические языковые навыки.

3. Технические языковые навыки. К ним мы относим приобретаемые следователем навыки того, как надо переносить слова свидетеля в протокол допроса, как описать то, что видно на месте происшествия в протокол осмотра и т. д.

4. Содержательные языковые навыки. Они тесно связаны с умением квалификации. Это навык описания действий лица и иных установленных в деле обстоятельств так, чтобы они стали элементами единой мозаики — соединились в общее описание уголовно наказуемого деяния, квалифицированного определенным образом.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этих навыков, нужно описать, как они рассматриваются внутри профессии (с точ-

1 Норма права — это установленное государством общее правило поведения, регулирующее общественное отношение. Уголовно-правовые нормы перечисляют виды противоправного поведения. Правовая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Гипотеза — условия применения нормы. Она отражается в Общей части Уголовного кодекса. Например, ст. 20 УК РФ раскрывает возраст, с которого наступает уголовная ответственность. Диспозиция — описание деяния в Особенной части УК, где каждая статья содержит одну или несколько диспозиций. Диспозиции принято делить на четыре вида: простые, описательные, бланкетные и ссылочные (мы подробней рассмотрим это в разделе о навыки квалификации). Санкция — это наказание, а именно его вид и размер. Каждой диспозиции соответствует санкция. В каждой статье кодекса имеется одна или несколько санкций. (Михлин, раздел 1.4. Нормы уголовного права, их структура, виды диспозиций и санкций). Санкция выражает оценку законодателем характера и степени тяжести деяний (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ содержит диспозицию — «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку» и санкцию — «наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

ки зрения специалистов по криминалистике и уголовному процессу). Систематизация подходов этих наук приведена в исследовании Малютиной.

Между криминалистами и процессуалистами существует спор о том, что именно преобладает в фиксации доказательственной информации, конечным продуктом которой и выступает протокол следственного действия [Малютина, 2009, с. 16]. Действия по фиксации информации осуществляются в условиях строгой регламентации уголовно-процессуальным законом, форма фиксации становится условием дальнейшего использования доказательства. Процессуалисты и сформировали стойкое представление о фиксации как о простом «оформительстве», с чем спорят криминалисты, настаивая на том, что при таком подходе теряется информационная сущность фиксации [Там же, с. 19][1]. Мы бы обозначили это расхождение как «оформление протокола» против «искусства написания». В сущности, оно сводится к вопросу, какие навыки важней следователю: технические оформительские и языковые (сложившиеся под влиянием требований к внешней форме протоколов и порядку составления протоколов, предъявляемых законом) или содержательные языковые (требования к содержанию процессуальных документов [Там же, с. 48], в значительной мере формируемые практикой работы)?[2] Проще говоря, протокол должен соответствовать нормативно определяемым требованиям к его оформлению или сложившимся в конкретной отрасли требованиям к его содержанию?

К некоторым конкретным требованиям, предъявляемым к протоколам, мы вернемся ниже, пока отметим один из центральных выводов исследования Малютиной: «формально-логическая сторона протокола, его языковая форма оказались более косными, чем наука и окружающая действительность» [Там же, с. 60]. Вывод этот базируется на результатах анализа протоколов, который показал, что ни развитие уголовного процесса, ни появление и бурный рост криминалистического знания не изменили принципиального подхода к форме изложения содержания в протоколе следственного действия. Это подтверждает и наш тезис, и тезис А. В. Смирнова, что письменный характер предварительной стадии расследования закрепил и обеспечил

1 В диссертации Малютиной приводятся данные, что 81,3% опрошенных следователей считают, что беспрекословно следует соблюдать требования к порядку составления протоколов и только 21,3% считают, что беспрекословно надо соблюдать требования к языку процессуального акта [Малютина, с. 79].

2 Отметим, что криминалисты выделают несколько основных форм фиксации криминалистически значимой информации: вербальную, графическую, предметную, наглядно-образную, которые могут сочетаться (протокол с приложенным к нему планом места преступления) [Малютина, с. 31].

стойкость сложившихся практик языка протокола, который все та же Малютина обозначает как «язык практической деятельности по расследованию преступлений». Она отмечает что по сути он выступает как «профессиональный язык» [Там же, с. 72], причем описание в протоколе «сейчас скорее опирается на логику составляющего его субъекта, его личный опыт, рекомендации коллег и специалиста, а не на положения, разработанные наукой» [Там же, с. 81]. Другими словами, знание о том, как писать протоколы, передается из рук в руки.

Язык протокола: как он выглядит

Попробуем показать на отдельных примерах, как усвоение определенных технических языковых навыков становится стержневой частью профессии и как они меняют повседневность сотрудника следственных органов. После этого сфокусируемся на том, что называется квалификацией преступления, и покажем, что эта священная корова юридического ремесла остается для следователя частью чуждой реальности. Завершая этот раздел, остановимся на главном в работе следователя — навыке переописания реальности в тех терминах, которые позволяют уложить любой элемент наблюдаемой реальности в конкретное обвинительное заключение.

Технические навыки: сформировать уголовное дело

Технические навыки — это самое простое и самое первое, что осваивает начинающий следователь. Именно несоответствие оформительским требованиям в первую очередь бросается в глаза начальнику или проверяющему. Итак, что выучивает следователь на своем первом (или новом) месте работы?

Уголовное дело в его материальном виде — это набор бумаг, документов, подшитых в определенном порядке в картонной обложке в виде тома. Однако такой вид уголовное дело приобретает лишь на самой заключительной стадии — перед передачей прокурору. До этого следователи накапливают формируемые ими или получаемые из других источников документы. Уже затем дело подшивается[1]. Есть несколько вариантов того, как в итоге будут расположены документы.

---

1 Отметим, что навык «подшить дело» тоже является приобретенным. В следственных отделах хранят сделанные еще в советское время «станки» для подшивания уголовных дел, которые считаются более удобными, чем современные. Станок позволяет так закрепить материалы уголовного дела и специальную картонную обложку, что после просверливания дрелью пяти дырок и прошивания ниткой в определенном порядке, «корочки»

В Санкт-Петербурге[1] мы наблюдали два основных способа формирования материалов уголовного дела. Первый — это расположение доказательств по логике их появления в деле, например, осмотр места происшествия, затем назначение экспертиз по изъятым в его ходе предметам, после их осмотра и приобщение к уголовному делу. Такое расположение позволяет проследить судьбу вещественных доказательств, историю их появления в уголовном деле. Хронологический способ выражался в расположении всех документов по мере их появления в уголовном деле: в этом случае между обыском и экспертизой мог находиться протокол допроса свидетеля, не имеющий отношения к обыску. Такой способ позволяет видеть повседневную работу следователя/дознавателя по уголовному делу. Мы встретились и с формированием уголовных дел «по персонам». В этом случае группируются вместе все протоколы допросов одного лица и другие имеющие к нему отношение документы. Назначенные экспертизы или запросы также располагались вместе с допросом. Стержневой документ, определяющий место нахождения блока материалов «по лицу», — протокол его первого допроса. Так как два основных способа расположения документов различаются в двух обследованных районных судах, вероятно, причиной выбора следователем того или иного варианта была позиция начальника следственного отдела или прокурора (табл. 1).

Таблица 1
Как расположены документы в деле[2]

Способы расположения документов	Число документов	%
Не логично	5	4,8
Логически (по конкретным фактам или событиям)	58	55,8
Хронологически	24	23,1
По персонам	8	7,7
Нет данных	9	8,7
Всего	104	100

уголовного дела можно согнуть принятым в районе образом. Последние годы стали выпускать обложки для уголовных дел более широкого формата, что приводит к тому, что следователям приходится подгибать или отрезать их часть.

1 Подробнее об этом микроисследовании см. [Шклярук, Рабовски, 2015].

2 Мы благодарны младшему научному сотруднику Института проблем правоприменения при Европейском университет в Санкт-Петербурге Юлии Шестерниной, которая произвела эти расчеты.

Беря за образец дела предшественников, следователь копирует порядок расположения документов, оформление запросов и протоколов (в эпоху компьютеров выбор шрифта протокола может зависеть от того, каким пользовался предшественник), тексты о назначении экспертиз и вопросы, которые ставились в похожих ситуациях. Выучивает, какие именно запросы необходимо направлять и куда. Важным может оказаться и то, какие поля должны быть у обвинительного заключения. Например, следователь узнает, что объем тома не должен превышать 250–300 листов, а объем последнего тома, направляемого в суд, не превышать 250 листов, чтобы у суда была возможность подшить свои документы и объем тома в итоге не превысил требуемого (до 300 листов).

Кроме того, следовательская рутина включает в себя большое количество иных навыков чисто технического толка. Здесь важно проиллюстрировать, что разнообразие на уровне одного следственного отдела не поощряется, и те или иные требования предъявляются к самым мелким деталям, таким как размер шрифта или размер полей в отдельных документах. Несмотря на их банальность, эти навыки — важная рутина профессии.

Технические языковые навыки: записать показания

Язык протоколов существенно отличается от обычного разговорного или литературного языка. Сами криминалисты определяют это так: «стиль письменной речи следователя представляет собой систему взаимосвязанных элементов различных функциональных стилей: официально-делового, разговорного, научного», подробно разбирая особенности и сферы применения каждого стиля [Михайлов, Подголин, 1980]. Однако, как мы отмечали выше, это разбор уже сложившегося языка. Следователи не рефлексируют способы и стили, применяемые ими, а воспринимают навык/умение составлять протоколы как единственно верное знание — «так всегда писали».

Мы рассмотрим технические языковые навыки на практике проблемы «дословности». Выше мы отмечали, что дословность изложения показаний допрашиваемого — требование закона. Но как его понимать? Малютина [2009, с. 55–56] разбирает спор российских криминалистов С. П. Ефимичева, А. В. Белоусова, С. А. Шейефра, считающих, что следователь делает пересказ слов допрашиваемого, может вносить в него «слова и фразы, фактически не произнесенные допрашиваемым, но объективно отражающие его показания», включать информацию, непосредственно не сказанную, но заключенную в контексте сообщения, и Л. Карнеевой и Е. Подголина, отрицающих возможность редактирования показаний на допросе, предполагающих сохранение специфики речи допрашиваемого.

Вопросу «правильной фиксации показаний» посвящены справочники следователя, многие теоретические и практические работы, где разбираются споры: дословно или не дословно надо заносить показания свидетеля, всегда ли должны фиксироваться вопросы следователя, как отражать в протоколе нецензурную брань.

Результаты наших исследований показывают, что следователи на практике чаще используют первый вариант. Показания свидетеля, потерпевшего или обвиняемого записываются следователем от первого лица, но в переформулированном виде. Есть категории свидетелей, которые могут разговаривать только с ненормативной или малопонятной лексикой. Пример того, как отличаются устные и письменные показания, приводят А. И. Михайлов и Е. Е. Подголин.

Устные показания: «16 марта я была выходная. На второй день, в понедельник, прихожу, мне Добришина говорит, что вместо 25 ящиков привезли 27 и говорит: „Я ему, Суконцеву, отдала 95 рублей“. Я ей говорю: «Зачем это сделала?». И я просто не знала, что делать, как быть, хотела звонить на базу: откуда эти два лишние ящика? Она отдала мне 75 рублей, сказала, что приедет вечером. Назавтра пришла я на работу, ко мне подходит Добришина и говорит, что за лишние два ящика «Зверобоя», 40 бутылок, из кассы она взяла 150 рублей».

Показания, записанные следователем: «16 марта у меня был выходной день. На следующий день, в понедельник, когда я пришла в магазин, продавец Добришина сказала мне, что экспедитор Суконцев привез в магазин вместо 25 ящиков водки „Зверобоя“, которые значились по накладной, 27 ящиков, и что она отдала Суконцеву за лишние 40 бутылок „Зверобоя“ 95 рублей. На мой вопрос, зачем она это сделала, она ответила, что Суконцев приедет вечером и отдала мне 75 рублей, которые я взяла. Я не знала, что мне делать, хотела позвонить на базу, но передумала. Назавтра, когда я пришла на работу, Добришина мне сказала, что из выручки за продажу водки „Зверобой“ она взяла из кассы магазина 150 рублей» [Михайлов, Подголин, 1980].

Необходимость переформулировать показания связана не только с тем, что устное изложение часто непоследовательно, но и с необходимостью создания непротиворечивой картины в материалах дела. Это приводит к стандартному изложению доказательств, доходящему до некоторого абсурда, осознаваемого и самими сотрудниками.

«Как недавно рассказывали: следователь допрашивал оперативника. „Как вы задерживали такого-то бандита?“. Они задерживали бандитов по агентурной разработке <...>. И положили там. Оторвали рожи (нанесли повреждения — *К. Т., М. Ш.*). *И следователь допрашивает оперативника: „Ну, расскажите“. „Ну, — говорит, — мы ехали. Подошли, смотрим, стоят люди в куртках кожаных. Мы подошли, попросили их любезно лечь*

на этот, на асфальт. Они любезно согласились. Мы любезно их досмотрели. Вытащили пистолетики, автоматики". А эта следачка и пишет эту всю хрень. И потом в суде это начали читать: „Мы любезно подошли, предложили им лечь на асфальт. Они любезно согласились"» (МВД, следователь).

В этом примере, конечно, смешивается умение изложить показания «правильным» языком с одновременным приданием «правильного» смысла. Нельзя записать в протокол действия по применению физической силы к задерживаемым, если подобрать под такие действия законные основания сложно. Конструирование новой реальности на бумаге можно было бы отнести к содержательным языковым навыкам, но для следователей это скорее техническое умение. Здесь нет речи о приведении показаний в соответствие с квалификацией деяния, срабатывает своеобразный защитный механизм профессиональной солидарности: не допускать в материалы дела сомнительной информации. Такая традиция также укоренена. Если обратиться к материалам дел 20-х годов XX века, то и там можно встретить подобные описания.

«Хозяин находился у соседей... через несколько минут пришел Л. ему был предъявлен ордер на обыск, сделан личный обыск ему и предъявлено требование показать нам имеющиеся у него кельи. Он безоговорочно направился с нами... С. сильными ударами в дверь кельи требовал от своей сестры открыть дверь, но на его просьбу и стуки никто не отзывался. Не теряя времени, я разрешил милиционеру через крышу убежища проникнуть внутрь и открыть дверь, он быстро это сделал» (из докладной начальнику ВЯТГУБОТДЕЛА ОГПУ, материалы дела, 1927–1928 г.).

Учитывая практики работы, можно утверждать, что обыски в подобных ситуациях всегда проводятся с элементом неожиданности, тем самым проникновение через крышу, вероятно, было самым первым действием, однако в докладной записке затем было облечено в логичный, соответствующий правилам вариант. Другим примером решения в пользу «недословности» может быть протокол допроса свидетеля от 3.11.1927 г., где вопросы следователя явно инкорпорированы, встроены в текст: «*не могу пояснить где и сколько она находилась (по сути повтор вопроса, который был задан), так как не помню (сразу указывается причина отрицательного ответа на вопрос)*». Видимо, имевшиеся тогда правила требовали выяснения причины несообщения информации. Очевидно следователь формирует связный текст из отрывистых вопросов и ответов. «*И мы уговаривали ее не уходить, плакали даже, объясняли...*». Возможно, исходным было:

«- Мы не удерживали, а уговаривали не уходить.

— Как уговаривали (вопрос следователя)?

— Ну разговаривали, даже плакали».

Естественно, любому правилу соответствуют исключения. Так, совсем иначе выглядит в уголовном деле 1927 г. допрос обвиняемого.

В длинном, выполненным на печатной машинке протоколе допроса обвиняемого Х. показания скорее всего приведены близко к прямой речи, имевшей место на самом деле. Следователь добросовестно печатает и свои вопросы, и ответы обвиняемого. Ответы длинные, со ссылками на религиозные труды и высказывания. Такой протокол нетипичен для дел 1927 г. и нетипичен сейчас. Появление такого протокола можно объяснить одной из двух причин.

1. Следователь уже знает, что его обвиняемый «сильный», у него есть линия защиты, он упорно говорит много, возможно, не подписывает, если записано не все. В этом случае следователь записывает все, рассчитывая из каких-то отдельных фраз извлечь нужную для обвинения информацию. Кроме того, вопросы он ставит так, чтобы принудить обвиняемого «проколоться» и допустить высказывание из разряда «не совсем признаем советскую власть».

2. Протокол со всеми вопросами [весьма четкими, например, «признает ли вы, что отказывались от регистрации (получения паспортов)?»] нужен следователю для демонстрации начальству, что все необходимые вопросы он задал, и не его вина, что обвиняемый не признает вину или мало/не то говорит.

Что касается технических языковых навыков составления протоколов осмотра места происшествия и осмотра предметов, отметим, что именно там сосредоточено множество застывших речевых формул (часто целых блоков предложений). Именно в протоколах осмотров (даже в образцах) мы встречаем фразы типа: «Прихожая размером 1,8 на 1 м оклеена обоями зеленого цвета, на стене слева от входа установлена вешалка. На полу под вешалкой в беспорядке лежит куча одежды» [Васильев, Усманов, 2011, с. 82]; «пакет вскрыт путем надреза ножом от угла до угла» [Там же, с. 84]. Как правило, каждый следователь осваивает некоторую смесь из практических советов специалистов и экспертов, записывая за ними пересказ обстановки на месте происшествия, и фраз руководства, а затем составляет эти предложения в удобном ему порядке.

Итак, самое первое чему учатся следователи, как надо переносить слова свидетеля в протокол допроса, как описать то, что видно на месте происшествия, в протоколе осмотра и т. д. Однако одновременно с этим они осваивают и то, какие слова и фразы становятся ключевыми в допросах, без каких оборотов протокол не будет удовлетворять начальника, прокурора и судью как источник доказательств.

И1: «Вот основная суть — в чем обвинительное заключение. В обвинительном заключении, когда расписывается преступное деяние, описывается порядок, механизм совершения преступления. То есть: „Реализуя свой корыстный умысел, направленный на хищение чужого имущества“, и, допустим, вот этот порядок слов в разных районах по-разному. Допустим, каждый считает, что надо писать каждый раз там „реализуя, реализуя,

реализуя". Другой считает «реализуя, продолжая реализовывать, продолжая реализовывать действия, направленные"».

И2: «Стилистика составления обвинительного заключения и привлечения в качестве обвиняемого прокурором. Привык он к такой — значит, должно быть так, иначе никак. Ваше мнение не учитывается. Нет, конечно, учитывается, но не в такой мере. А давление прокурора — это просто „доп"[1] *и все. Не понравилась стилистика изложения и на дополнительное следование. Без вопросов»* (следователи МВД).

Умение описать контекст и переформулировать допросы было бы бессмысленным без навыков формирования в таком переложении правильного описания события «под состав преступления».

Навыки квалификации: что их замещает?

Если классическая правовая норма для юристов во время обучения состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, то в практике работы следователей вопрос квалификации в первую очередь сводится к диспозиции, хотя само это понятие ни один из наших информантов-следователей не употребил в разговоре/интервью. Как правило, вместо него упоминается статья УК, часто просто ее номер («возбуждаем 158-ю»). Это не удивительно, так как диспозиция — это описание деяния в Особенной части УК, где каждая статья содержит одну или несколько диспозиций (например, простая кража, кража, совершенная группой лиц, кража в особо крупном размере).

Диспозиции принято делить на четыре вида: простые, описательные, бланкетные и ссылочные (отсылочные)[2], о чем тоже не вспо-

1 Отправка дела на дополнительное расследование прокурором. Один из самых значимых отрицательных показателей при оценке работы следователя.

2 В простых диспозициях деяние называется без раскрытия его признаков, например, ст. 126 УК «Похищение человека». Такие составы в УК РФ встречаются нечасто. Описательные диспозиции характеризуются тем, что определение преступления сопровождается более или менее подробным перечислением его признаков, например, ч. 1 ст. 105 «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку» или ст. 196 «Преднамеренное банкротство, то есть умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, совершенное руководителем или собственником коммерческой организации, а равно индивидуальным предпринимателем в личных интересах или интересах иных лиц, причинившее крупный ущерб либо иные тяжкие последствия». Бланкетные диспозиции не содержат всей необходимой характеристики преступления. В этих случаях называются правила, нарушение которых влечет ответственность, т. е. следует отсылка к другим нормативным актам. Например, ст. 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Правила предусматриваются другой отраслью права (административного,

минают в интервью, хотя могут упомянуть сложности с формулировками составов преступлений и иных юридических понятий[1]. Иначе говоря, есть текст статьи УК РФ, и следователь должен соотнести с ним фактически совершенные, а точнее, зафиксированные в документах уголовного дела как фактически совершенные действия лица. Самый простой пример: «человек залез в квартиру тихо, стащил куртку, начал выбираться — заметили — все равно убежал с вещами» — это кража (ст. 158 УК РФ — тайное хищение имущества) или грабеж (ст. 161 УК РФ — открытое хищение имущества)? Возможным ответом будет кража, перешедшая в грабеж, в итоге необходимо предъявлять обвинение в грабеже, но в том случае, если бы обвиняемый остановился и сдался, то были бы возможны такие варианты квалификации, как оконченная кража, покушение на грабеж или покушение на кражу.

Еще сложнее квалифицировать состав деяния в экономических преступлениях, где грань между преступлением и экономической деятельностью законодательно четко не проведена. Например, вы купили мобильный телефон у знакомого, но не знали, что он украден, хотя, возможно, подозревали: это легализация, скупка краденного или добросовестное приобретение? А если не телефон, а ОАО «Башнефть»? Процесс квалификации таков, что предмет не будет иметь значения, главным будут действия с ним. Юристы распола-

трудового, гражданского). В ссылочных диспозициях содержится отсылка к другим статьям данного УК. Например, ст. 158 в примечании разъясняет понятие крупного размера и неоднократности для ряда статей УК РФ. Иногда диспозиции наряду с описанием признаков преступления содержат отсылки к другим статьям УК или другим нормативным актам. Такие диспозиции соответственно можно назвать описательно-ссылочными или описательно-бланкетными, а также описательно-ссылочно-бланкетными. Например, ст. 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физического лица» описывает некоторые признаки деяния, такие как виды платежей по субъектам (физические и юридические лица), а также размеры неуплаченных платежей. Понятие «уклонения от уплаты» содержит таможенное законодательство. И, наконец, понятие «лица, ранее судимого за совершение преступлений, предусмотренных настоящей статьей, а также статьями 198 и 199 настоящего Кодекса» требует обращения к названным статьям УК РФ [Михлин, 2000, раздел 1.4.].

1 Так, уполномоченный по правам предпринимателей Б. Титов привел сведения, что в ходе проведенного ими опроса свыше 60% следователей, прокуроров и судей считают, что существующие в российском праве определения понятий «доход», «договорные обязательства» и «предпринимательская деятельность» недостаточны для верной квалификации деяний и допускают двойное толкование. 32,5% следователей, прокуроров и судей считают необходимым разъясняющее постановление пленума Верховного суда, 30% — определение этих терминов в законодательстве [Титов, 2014].

гают своей системой аргументации: так спорные вопросы и детализацию действий, которые не описаны в статье УК, раскрывают комментарии к тексту статьи, сложившаяся судебная практика, обобщающие правильную практику Постановления Пленумов Верховного суда[1]. Именно их называют следователи в интервью, рассказывая о спорах по поводу квалификации преступления с прокурором. Чаще всего споры сводятся к тому, что юридическая наука называет «объективной стороной состава преступления», иначе говоря, конкретные действия, которые надо доказать, чтобы состав преступления был виден суду.

Так, ст. 105 УК РФ описывает «убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку». Описание убийства в уголовном деле будет состоять из описания места, времени, количества ударов ножом (например), повреждений, обязательной связи полученных повреждений со смертью, а также мотивов и желания причинить смерть (умысла)[2]. Без этого суд не сможет рассмотреть дело. Поэтому действия следователя состоят из двух актов: осознания, какой состав преступления он видит и его формирования, своеобразного «проявления» во всех материалах дела, которые он произведет.

Однако на уровне рутин квалификация сводится именно к «осознанию того, какой состав преступления будем доказывать». Квалификация по формальным признакам, которой учат на юридических факультетах и которая нередко подается в профессиональной литературе как основной навык юриста в реальной повседневной жизни следователя, оказывается за рамками его или ее профессиональной деятельности. О ней вспоминают и рассказывают только тогда, когда интервью идет в максимально формальном ключе или интервьюер активно подчеркивает свой статус «абсолютного неюриста». То есть

1 Об иерархии документов и толкований как характеристике юридического поля писал П. Бурдье. «Но хотя юристы и могут спорить по поводу текстов, которые всегда оставляют место для множественности прочтений, они принадлежат строго интегрированной иерархии инстанций, которые способны разрешать конфликты между толкователями и толкованиями. Соперничество между интерпретаторами объективно ограничено тем, что судебные решения, чтобы отличаться от чисто политических актов насилия, должны представать как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению. Подобно церкви или школе, правосудие организует согласно строгой иерархии не только судебные инстанции и их компетенции, а значит, их решения и интерпретации, на которые они опираются, но также нормы и источники, придающие этим решениям вес» [Бурдье, 2005].

2 Последние два относятся к «субъективной стороне преступления» и чаще всего выводятся из логики произошедшего: «бил ножом в грудь = хотел убить», «украл = имел корыстные побуждения» или из прямых показаний обвиняемого.

тогда, когда включается официальный презентационный нарратив, описывающий профессию следователя для внешнего мира.

Следователь действует в логике, которую описывает Гарфинкель [Garfinkel, 1967]. Сначала он соотносит наблюдаемое с некоторым числом готовых шаблонов (а как показывает статистика [Скугаревский, 2014], более 70% дел в России принадлежит менее чем к 30 составам преступлений, причем довольно простым). Если возникают сложности, то со своим личным опытом. Если и это не помогает (ситуация, с которой следователь, по нашим оценкам, сталкивается не чаще нескольких раз за свою карьеру), то он обращается к начальнику следственного отдела или его заместителю[1]. Таким образом, квалификация как последовательный рефлексивный процесс представлена в жизни нормального следователя в виде некоторого форс-мажора, уникального события, разрушающего рутину. Главная его работа — совмещение структурированного описания реальности через язык протоколов с некоторым традиционно сложившимся в данном районе шаблоном. И здесь мы возвращаемся к тем средствам, которые следователи имеют для этого, и средство это — «язык протоколов».

Содержательные языковые навыки: следователь как драматург

После того как ситуация квалифицирована (соотнесена с типичной или имевшейся в практике ситуацией) и следователю понятно, какое преступление совершено, наступает этап правильного описания преступления в протоколах и постановлениях (главным из которых является постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Мы выделим основные приемы работы следователя с производимым им текстом и проиллюстрируем их примерами.

Самым доступным примером является «дело Навального»: опубликованное Алексеем Навальным обвинительное заключение по достаточно типичной статье УК РФ (ст. 160 — присвоение или растрата) дает возможность анализа большинства инструментов формирования доказательств для правильной квалификации деяния. Второй выбранный нами пример — уголовное дело в отношении секты староверов-подпольников[2] 1920-х годов.

---

1 Понятно, что с точки зрения современной социологии такой контррефлексивный порядок действия свойственен практически любой форме человеческой деятельности, но нигде этот факт не отрицается так, как в юриспруденции.

2 «Секта подпольников» представляет собой другой случай: религия противопоставляется светскости, особенно в ее повседневным проявлениях. Так,

Мы сознательно отступили от рутинных уголовных дел, чтобы ярче показать языковые приемы, которые используются для конструирования преступности деяний. Примеры из обоих уголовных дел (имеющих политическую окраску), несмотря на разницу конструируемых преступлений, личностей обвиняемых и эпох, как нельзя лучше высвечивает то, что мы хотим показать. Наша предпосылка такова: даже работая с политическим (нестандартным) уголовным делом, следователь не отходит от приемов, которые заданы его профессией, набор инструментов, которые он использует в своей работе, остается тем же самым. Изначальная квалификация в обоих случаях совершена заранее, поэтому следователь оказывается в рутинной канве — ему необходимо сформировать пакет доказательств под конкретный состав преступления.

Итак, разберем отдельные приемы, которые следователь использует при конструировании «преступности».

Переименование обычного в преступное

Все действия обвиняемого лица переописываются языком преступления. Происходит своеобразное переименование обычного в преступное. Возьмем «дело Навального». Если принять версию следствия и упростить ее, получается следующее: Навальный был советником губернатора, привел в регион знакомого, который создал фирму, централизованно закупавшую лес у «Кировлеса». Таким образом, Навальный способствовал продаже леса через эту фирму. В итоге фирма купила лес за 15 млн, после чего продала за 16 млн, значит, Навальный (по логике следствия) организовал хищение на 16 млн рублей. Как обычные сделки купли-продажи превратились в организацию хищения? Они были переименованы в преступные действия ради хищения.

«Примерно в феврале-марте 2009 года ... Навальный А. А., продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на хищение имущества „Кировлес“, руководя совершением преступления, (...) сообщил Опалеву (о создании предприятия) (с. 4[1]). (...). При этом Опалев (...) в полной мере осознавал общественную опасность своих действий и неизбежность наступления

вместо изб-читален и школ следует жить в кельях, вместо участия в займах, платежей налогов, постановки на учет (получение паспортов, учтет в ЗАГСах разных событий от рождения до смерти) следует сосредоточиться на жизни в «граде». Активная агитация за такой образ жизни вредит советскому государству. Материалы были любезно предоставлены Л. Комелиной.

1 Здесь и далее ссылки на страницы соответствующих обвинительных заключений.

общественно опасных последствий в результате заключения договора поставки с ООО „ВЛК“ в виде растраты вверенной ему лесопродукции... (с. 5)».

Тот же прием переописания — «фиктивность» сделки определяется следователем, после этого договор становится «лишь прикрытием» — использовался и в деле следования религиозным убеждениям (в этом случае переописание осуществлено при помощи риторики антисоветской деятельности). В «деле подпольников» следователь использует оборот «под видом отправления религиозных мистических обрядов», который выводит действия обвиняемых из-под защиты «свободы религий».

«Под видом отправления религиозно-мистических обрядов, пребывая в постоянном странствовании и пропаганде слова божия, секта подпольников, объединяя главным образом зажиточную часть крестьянства кулаков б. торговцев и темных преступных личностей, скрывающихся в подполье от советской власти, в своем политическом существе, направлены против органов соввласти и партии на местах...» (с. 3).

«Золотая клетка доказательств»

Следователи хорошо знают, что суд будет оценивать только те доказательства, которые будут представлены в уголовном деле. Своеобразная «золотая клетка доказательств» позволяет судье учесть только ту информацию, что зафиксирована в уголовном деле. Именно поэтому следователь нацелен на формирование непротиворечивой, стройной картины «преступления». Информация в обвинительном заключении должна отвечать на все формально важные вопросы: какие действия были совершены, как четко они соответствуют определенной статье УК РФ. Информация формируется на основании текстов протоколов или иных документов — никаких других данных (кроме перечня вещественных доказательств) быть не может. Формируя «клетку» доказательств, следователь сплетает вместе факты, которые точно имели место, со своими интерпретациями и пересказами информации от свидетелей, зафиксированной в протоколе допроса.

Важно, что озвучиваются факты и цитаты, которые действительно имели место; собранные вместе, они создают непротиворечивую картину. «Такой-то выступает против отдельных мероприятий советской власти, так, например...» и далее приводится какой-нибудь неопровержимый факт. В «деле подпольников» таким был, например, факт: «выступал против участия (крестьян) в займе». Факт может быть единичным, но он должен быть правдивым. При этом факту сразу присваивается оценка — умысел противостоять власти («таким образом...»). В деле Навального такими фактами выступали должность советника губернатора, знание о деятельности «ВЛК»,

знакомство с директором ООО «ВЛК», т. е. сведения, отрицать которые бессмысленно. Правдивость отдельных фактов придает вес остальным утверждениям.

Приписывание смысла

«Остальным утверждениям» следователь приписывает «преступный» смысл. Для этого используется оборот «таким образом» или «тем самым». В «деле подпольников», например, можно увидеть, как «организация быта» становится преступлением. В обвинительном заключении описывается, что основная тяжесть работ падает на молодых девушек, далее дается трактовка, что организацией быта секта «против задач партии». Цитаты, высказывания членов секты трактуются в том же ключе: «призывал отказаться от займа, таким образом, выступал против...».

Отметим, что внутри профессии существует требование правильно описывать и фиксировать «взаимосвязь между элементами преступной деятельности», «систему взаимодействия участников преступления с материальной средой» в протоколах следственных действий. Так, Малютина [2009, с. 103–104] приводит пример «описания нацеленных на результат действий субъекта преступления»: «на совместных встречах Т., преследуя совместно с В. и другими неустановленными участникам организованной группы цель контрабанды и сбыта наркотических средств, договорился с К. С.».

Именно так явление «Опалев (директор „Кировлеса“) с помощью Навального и Офицерова заключил договоры с их фирмой на поставку леса по (возможно) не самой выгодной цене на 15 млн рублей и исполнил его» превращается в итоговое обвинение.

«Таким образом, Опалев, действуя совместно с Навальным, организовавшим и руководившим совершением преступления, и Офицеровым, с использованием своего служебного положения генерального директора “Кировлеса“ из корыстных побуждений противоправно растратил находящееся в его ведение чужое имущество в виде лесопродукции (...) на сумму 16 165 826, 65 руб. (...) (с. 8).

Переписывание ролей

Отдельное умение — правильное описание действий соучастников и формирование доказательств совершения преступления группой лиц (это не всегда одно и то же)[1]. Для наших примеров характерно

1 В период обучения одного из авторов статьи на юридическом факультете господствовала та точка зрения, что если преступление было совершено исполнителем, пособником и организатором (когда три человека распре-

то, что следователям было необходимо сформировать совместность действий лиц. В большинстве случаев практика предписывает выявлять как групповые все возможные преступления — они квалифицируются как более тяжкие. Приемы «формирования группы» имеют свою специфику.

Первое упоминание о групповом характере действий «подпольников» мы встречаем в заключении следователя, в котором он испрашивает у двух начальников ОГПУ и прокурора согласия на проведение операции: массовых допросов и обысков. Ему необходимо обосновать необходимость такой операции уже имеющимися данными и показать, что речь идет (в данном конкретном случае) о преступной группе. Так появляется термин «секта», предусматривающий несколько человек, занимающихся противодействием советскому строю. Подтверждая наличие группы, следователь описывает роли каждого, объясняет, что именно придает действиям каждого групповой характер. Для этого роль каждого должна совпадать с его фактическими действиями, например, кто-то передавал письма, т. е. «содействовал в переписке», кто-то помогал с билетами на поезда, «содействовал перемещению участников группы». Важно, что фактически такие действия совершались, это придает правдивость и остальным утверждениям (например, «осознавая преступность действий», такого прямо в этом заключении нет, но к обвинительному заключению появится) «так называемой секте подпольников», не признающих гражданской власти законспирированы (они не пользуются обычными именами — *М. Ш., К. Т.*), последователь секты ... предоставлял жилье, чем способствовал антисоветской деятельности».

В случае с Навальным следователь также сосредоточен на описании ролей соучастников. Выше мы приводили цитату, где исполнителем преступления (тем, кто непосредственно растратил имущество) выступал Опалев. Существом его действий было заключение и подписание договоров, организация поставок (его реальная деятельность), которая затем была дополнена «преступным описанием». Роль, предписанная Навальному, — роль организатора растраты, это предопределило фокус описания: его должностной статус,

---

делили роли в преступлении), нужно квалифицировать их группу лиц по предварительному сговору. К середине 2000-х годов Верховный суд занял позицию, что группа — это два и более человека, непосредственно участвовавшая в выполнении «объективной стороны преступления» (например, двое непосредственно похищали имущество, а один организовывал — тогда два человека составят группу лиц, а организатор будет выступать организатором группового преступления). С этой точки зрения в первом примере следует говорить не о группе лиц, а о трех соучастниках преступления.

подразумевающий возможность влияния на других людей, некоторые фактические действия, проведения совещаний, переговоры о количестве поставленной лесопродукции с главой фирмы. Иными словами, описав роль Навального как организатора сделок между «Кировлесом» и «ВЛК», следователь одновременно добавляет «преступность» этим действиям и ставит фигуру Навального на правильное место в формальной конструкции преступления.

Последствия существующей конфигурации языковых техник: вместо заключения

Итак, несмотря на то что хороший следователь должен уметь подшивать дела и оформлять документы так, чтобы они были приняты конкретным прокурором, не это является ядром его профессиональных навыков. Также им не является и навык квалификации преступлений. Ядро профессии — это способность сходу встроить любую реплику в текст протокола и при этом сделать это так, чтобы протокол превратился в связное обвинительное заключение для шаблонного преступления. Ну и, конечно, важен сам навык собирания отдельных фрагментов реальности в единую картину преступления — «золотую клетку доказательств» — за счет переименовывания объектов реальности, приписывания смыслов и мотивов тем, кто действовал в ходе совершения «преступления».

Почему в России возникла именно такая модель и как она меняет систему уголовного преследования? Традиционно [Abel, 1989; Sutton, 2001, p. 224-230], когда говорят о юридической профессии, то выделяют два основных подхода: функционалистский, наследующий Дюркгейму, и неовеберианский. В первом случае мы рассматриваем юридическую профессию как один из важнейших элементов разделения труда, а профессиональный язык — как профессиональный инструмент, который позволяет более эффективно выполнять свою работу. Языковые навыки в этой логике должны работать на достижение той же цели. Второе направление опирается на тезис Вебера о том, что юристы не обслуживают право, но по сути создают его и монополизируют эту сферу. В более поздних, критически ориентированных работах, написанных в рамках этой парадигмы [Abbot, 1988; Freidson, 1986], профессиональный язык становится не только инструментом повышения эффективности собственной работы, но и начинает выполнять целый ряд других важных социальных функций в профессиональном сообществе. Он служит выстраиванию границ сообщества, ограждая его от непрофессионалов, инструментом профессиональной социализации, создавая дополнительный контур контроля при вхождении в профессию и передавая значительную часть скрытого профессионального знания, он задает

определенные фреймы коммуникации, позволяя выстроить границы между разными отраслями в праве, и т. д.

Мыслить юридически: языковые навыки и ускорение работы

В некотором смысле российский следователь воплощает высшую форму юридической профессии. Изначально (речь идет о Британии) основной смысл существования в системе правосудия профессиональных юристов состоял в том, что они формулировали для участника процесса «историю» и рассказывали ее [Vago, 2012, p. 347; Tiersma, 1999]. Они укладывали разрозненный набор фактов в некоторый (часто письменный) нарратив, обосновывающий необходимость принятия того или иного решения. Как возникли права, как, когда и кем они были нарушены, какой ущерб понесла сторона и какие меры необходимо принять для его возмещения — последовательный и относительно неэмоциональный рассказ об этом до сих пор не под силу многим участникам гражданского судопроизводства. В ситуации, когда судья выступает чистым арбитром, как это свойственно странам общего права, т. е. когда его права на задавание вопросов, уточнения и т. д. сильно ограничены и он должен лишь выслушивать стороны, неумение связно представить свою позицию становится залогом проигрыша. Юристы в первую очередь решали именно эту проблему.

По мере развития гражданского судопроизводства на континенте и привнесения в чисто инквизиционную модель уголовного суда (когда судья и следователь — одно лицо) элементов состязательности (разделение ролей обвинителя и судьи) задачи выстраивания связной истории встали и перед юристами континента, в том числе теми, кто занимался работой по уголовным делам. Умение рассказать связную историю, из которой понятно, кто, что сделал и зачем он предпринял те или иные действия, оказалось основой работы юриста в уголовном и гражданском процессе во всей Европе.

Именно поэтому описанный выше ключевой навык следователя — собирание и увязывание вместе фактов, их интерпретация таким образом, чтобы получилась непротиворечивая история — это артефакт функции юридической профессии как таковой. Со временем в каждой стране сложился свой канон того, как должна рассказываться эта «история» в уголовном судопроизводстве. Там, где в отправлении правосудия участвует большое количество «простых людей» (в виде присяжных заседателей или в иных формах, распространенных, например, в Скандинавии или Германии), история оказалась ближе к здравому смыслу, торжества специального языка

не происходило. Там, где судопроизводство практически полностью исключает непрофессионалов, язык становился более специальным и эзотеричным. Россия пошла по второму пути.

Уместна, впрочем, одна оговорка. Язык права и должен быть эзотеричным — это позволяет ему сохранять свою автономию. А автономия права жестко необходима для того, чтобы право не утратило свой смысл. С точки зрения Никласа Лумана [Luhmann, 2008], аутопоэтичность права, т. е. полная нечувствительность к внеправовым аргументам и источникам вдохновения, залог его возникновения и развития. Право должно быть исключено из всех логик, где кто-то, кроме юристов (условных его «хранителей»), обладает некоторым преимуществом. Отдельность и особость правового поля в целом и правового языка, в частности, обеспечивает изначально условное равенство богача и бедняка, сеньора и вассала, монастыря и деревни.

В чем же смысл такой изоляции, встраивания каждого суждения в жесткие рамки юридической лексики и строго заданных шаблонов документов, отход от которых воспринимается как посягательство на саму суть правосудия? Основная функция — это ускорение работы, упрощение моделей проверки. Когда юрист «нижнего» уровня (следователь) работает в жестких рамках (т. е. заранее известно, какие факты он должен увидеть и как их зафиксировать, причем формы фиксации — протоколы, экспертизы и т. д. — закреплены очень жестко), работа вышестоящих юристов (руководитель следователя, прокурор и судья) относительно проста. Если юрисдикция закрыта от вариативности [Abel, 1989, p. 20–24], если все (хотя бы в пределах одного района) совершают в шаблонных случаях строго одни и те же действия, то контроль качества работы основной массы следователей и качества основной массы дел сильно упрощается. Взяли конкретный документ (скажем, протокол), сравнили с предустановленным в голове проверяющего шаблоном, убедились, что по трем (четырем, десяти) контрольным точкам есть совпадения со стандартом, одобрили (вариант: нашли несоответствие — вернули на доработку).

С середины XIX века судебные и следственные органы работают в режиме постоянной перегрузки. Типизация позволяет ускорить разрешение типовых и шаблонных кейсов и избавить судью (надзирающего прокурора, начальника следственного органа) от необходимости каждый раз разбираться в том, что же и как изложил очередной (излишне творчески подходящий к своей работе) следователь. У них не возникает необходимости каждый раз подстраиваться под новый язык. Действия игроков уже переописаны в единой и привычной манере специальным нарратором — следователем.

Итак, если мы попробуем посмотреть на «язык протокола», особый следственный язык с точки зрения функционалистского подхода, что мы увидим? Навыки, которые выше назывались техническими и техническими языковыми, служат одной цели: они упрощают для всех участников уголовного судопроизводства (даже для адвоката) работу в конвейерном режиме по шаблонным делам. Благодаря их наличию специалист сразу знает, где искать возможную ошибку, как устанавливать несоответствия шаблону. Это позволяет избавиться от детального вникания в каждый документ, дает возможность сразу увидеть, что сделано не так. Разобранные выше действия (сшивание дела в определенной последовательности и запись показаний свидетелей, потерпевших и всех прочих строго шаблонными фразами) также упрощают работу с документами всем последующим читателям-профессионалам. Больше всего это похоже на книгу, в которой все диалоги переданы косвенной речью. Глаз не скачет, не замечает особенностей речи каждого героя. «Он пошел, она сказала...». Этой же цели служат и «содержательные языковые навыки» — ситуация должна быть разложена на набор ключевых элементов, которые впоследствии должны быть увязаны между собой.

Именно поэтому в приведенных выше иллюстрациях мы не наблюдаем существенного отличия между документами 1920-х и 2010-х годов. Функциональные требования к языку остались теми же самыми, формы оптимизации работы на уровне района/города сформировались довольно давно. Их эволюция оказалась чисто косметической. Ключевые особенности русского юридического языка в уголовном процессе связаны с тем, что он опирается, как и в большинстве юрисдикций [Solan, Tiersma, 2010], на поток шаблонных дел, которые нужно рассмотреть в предельно сжатые сроки в рамках относительно стабильной рабочей группы — коллектива следователей, прокуроров, адвокатов и судей, работающих в одном районе [Eisenstein, Jacob, 1977].

В этом плане (и это хорошо видно на примере с квалифицированным обвиняемым в 1920-х годах) выход за пределы шаблона и конвейера сразу мобилизует принципиально иные техники [Solan, Tiersma 2010], которые, возможно, также являются частью юридического ремесла, но предельно далеки от той рутины, которая определяет повседневную жизнь юриста-следователя. Такая модель закрепляет в российской практике стремление следователя работать с типовыми делами, фокусироваться на том, чтобы «попасть в шаблон». Отношение к кейсам как к типовой рутине сильно снижает вероятность «сбоев на стыках» [Панеях, 2011], так как одновременно задает всем последующим проверяющим четкий алгоритм контрольных действий и связывает выход за пределы этого алгоритма с запретительными издержками.

Язык протокола как инструмент самозащиты

С неовеберианской интерпретацией следственного языка все несколько проще. Каждая юрисдикция обладает стремлением закрыться от новичков и сохранить свою монополию [Abel, 1989, p. 20–24]. В ситуации, когда типовая работа рутинна и сложные когнитивные задачи редко встают перед следователем, а если и встают, то разрешаются консилиумом, в который нередко входят судьи (то есть финальные контролеры «качества работы» следователя), возникает необходимость дополнительного «закрытия»: навык «правильного» письма, эзотерическая лексика и очень жесткие правила оформления текстов отлично выполняют эту функцию. Социализация особого рода, предельно далекая от формальной [Vago, 2012, p. 390], в которой «учиться приходится всему», порождает жесткие дисциплинарные границы. Даже самый квалифицированный преподаватель уголовного права или процесса, никогда не работавший «на земле», не сможет быстро освоить все необходимые навыки, что создает дополнительный инструмент монополизации сферы деятельности. Нельзя уволить всех следователей, набрать по конкурсу юристов и заставить их работать «в следствии» — система рухнет.

Также такое «дополнительное образование» проводит жесткую границу между двумя стадиями социализации. Социализация в юридической субкультуре (в нашем случае уже в следственной) является важнейшим этапом профессионального становления юриста [Koo, 2007]. Выпускник, который осваивает профессию «с нуля» и «руками», оказывается полезнее с точки зрения поддержания профессиональной монополии потому, что таким образом разрушается внешняя система референций. Конечный толкователь закона — суд, а практику суда старшие коллеги знают лучше. Апелляции же к тому, чему учили в университете, неприемлемы в этой системе, ведь учиться надо всему, игнорируя прошлый опыт.

Наконец, еще один важный механизм — это формирование горизонтальных сетей между субпрофессиями. Адвокат или прокурор со следственным опытом обладают несравнимо более высокой квалификацией с точки зрения этой субпрофессии — он владеет намного большим количеством специальных навыков, которые позволяют ему квалифицированнее надзирать над следствием или бороться со следователем в суде или на досудебной стадии.

Библиография

Бурдье П. (2005) Власть права: основы социологии юридического поля. *Социальное пространство: поля и практики,* М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя: 75–128.

Васильев В., Усманов У. (2011) *Практическое руководство следователя,* М.: ПРИОР.

Волков В. (ред.) (2012a) *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, М.: Статут.

Волков В. (ред.), Четверикова И., Панеях Э., Поздняков М., Титаев К., Шклярук М. (2012b) *Диагностика работы правоохранительных органов РФ и выполнения ими полицейской функции*, СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Волков В. (ред.), Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. (2012c) *Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование,* СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Волков В. (ред.), Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. (2015) *Российские судьи: профессиональная ситуация*. М.: Норма (в печати)

Волков В., Титаев К. (2013) Лишь 8% обвиняемых готовы бороться за свое доброе имя. *Ведомости,* 28 февраля.

Жогин Н. (1971) *Руководство для следователей.* М.: Юридическая литература.

Малютина О. (2009) *Язык криминалистики в протоколах следственных действий.* Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.

Михайлов А., Подголин Е. (1980) *Письменная речь при производстве следственных действий*, М.: Прокуратура СССР, Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; Ин-т усовершенствования следственных работников.

Михлин (ред.) (2000) *Уголовное право, Вопросы и ответы.* М.: Юриспруденция.

Найденов В., Олейник П. (1981) *Руководство для следователей. Часть первая.* М.: Юридическая литература.

Панеях Э. (2013) Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций. На примере российской правоохранительной системы. *Полиция,* (2): 38–59.

Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. (2015) *Траектория уголовного дела: институциональный анализ*. М.: Норма (в печати).

Скугаревский Д. (ред.) (2014) Волков В., Дмитриева А., Скугаревский Д., Титаев К., Четверикова И., Шестернина Ю. *Уголовная юстиция в России в 2009 г.: комплексный анализ судебной статистики*. СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге; М.: Статут.

Смирнов А. (2014) *Российский уголовный процесс: от заката до рассвета,* РАПСИ. (http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20 141 202/272 697 983.html)

Титаев К. (2014) Экспансия юридической профессии: юридикализация бюрократического языка в России. Постановочное эссе. Д. Димке, К. Титаев, С. Шмидт (ред.) *Обратная связь: книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского,* СПб; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования: 269–276.

Титов Б. (2014) Бизнес под «статьей», *Ведомости*, 2 декабря.

Шклярук М. (2014) *Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы,* СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Шклярук М., Шестернина Ю. (2015) Практика расследований типичных уголовных дел: эмпирический подход (рукопись статьи).

Abbot A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor,* Univ. of Chicago Press.

Abel R. (1989) *American Lawyers*, OUP.

Bhatia V. K. (1993) *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*, Routledge.

Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice: an Organizational Analysis of Criminal Courts*, Boston: Little Brown.

Freidson E. (1986) *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*, Univ. of Chicago Press.

Garfinkel H. (1967) *Study in ethnomethodology*, Prentice Hall.

Koo G. (2007) *New Skills, New Learning: Legal Education & the Promise of Technology*, Berkman Center for Internet & Society, Harvard Law School.

Luhmann N. (2008) *Law as a Social System*, OUP.

Mertz E. (2007) *The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer»*, OUP.

Solan L., Tiersma P. (2010) *Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*, Univ. of Chicago Press.

Sutton J. (2001) *Law/Society. Origins, Interactions and Change*, Sage.

Tiersma P. (1999) *Legal Language*, Univ. of Chicago Press

Vago S. (2012) *Law and Society* (10th ed.), Prentice Hall.

References

Abbot A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor,* Univ. of Chicago Press.

Abel R. (1989) *American Lawyers*, OUP.

Bhatia V. K. (1993) *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*, Routledge.

Bourdieu P. (2005) Vlast' prava: osnovy sotsiologii iuridicheskogo polia. [The Power of Law: the Foundations of the Sociology of the Legal Field] *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki*, M.: IES; SPb: Aleteiia: 75–128.

Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice: an Organizational Analysis of Criminal Courts*, Boston: Little Brown.

Freidson E. (1986) *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*, Univ. of Chicago Press.

Garfinkel H. (1967) *Study in ethnomethodology*, Prentice Hall.

Koo G. (2007) *New Skills, New Learning: Legal Education & the Promise of Technology*, Berkman Center for Internet & Society, Harvard Law School.

Luhmann N. (2008) *Law as a Social System*, OUP.

Maliutina O. (2009) *Iazyk kriminalistiki v protokolakh sledstvennykh deistvii* [The Language of Criminalistics in Investigators Reports]. Dis. ... kand. iurid. nauk. Nizhnii Novgorod.

Mertz E. (2007) *The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer»*, OUP.

Mikhailov A., Podgolin E. (1980) *Pis'mennaia rech' pri proizvodstve sledstvennykh deistvii*, [The Writing in Investigation], M.: Prokuratura SSSR, Vsesoiuznyi in-t po izucheniiu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniia prestupnosti; In-t usovershenstvovaniia sledstvennykh rabotnikov.

Mikhlin (red.) (2000) *Ugolovnoe pravo, Voprosy i otvety*, [Criminal Law: questions and Answers]. M.: Iurisprudentsiia.

Naidenov V., Oleinik P. (1981) *Rukovodstvo dlia sledovatelei. Chast' pervaia*, [The Guide for Investigators. The First Part]. M.: Iuridicheskaia literatura.

Paneyakh E. (2013) Transaktsionnye effekty plotnogo regulirovaniia na stykakh organizatsii. Na primere rossiiskoi pravookhranitel'noi sistemy, [The Transaction Costs of the Poor Regulation in the Transorganizational Zones. An Example of the Russian System of Criminal Justice]. *Politiia*, (2): 38–59.

Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2015) *Traektoriia ugolovnogo dela: institutsional'nyi analiz* [The Trajectory of the Criminal Case: an Institutional Analysis]. M.: Norma (forcoming).

Shklyaruk M. (2014) *Pravovaia statistika: sistemnyi konflikt mezhdu znaniem o prestupnosti i uchetom vedomstvennoi raboty*, [The Criminal Statistics: the Conflict between Criminological Knowledge and the Bureaucratic Accounting and Reporting], SPb: IPP pri EU SPb

Shklyaruk M., Shesternina J. (2015) Praktika rassledovanii tipichnykh ugolovnykh del: empiricheskii podkhod [The Practice of the Investigation of the Routine Criminal Cases: an Empirical Approach] (unpublished manuscript).

Skougarevskiy D. (ed.) 2014 Volkov V., Dmitrieva A., Skougarevskiy D., Titaev K., Chetverikova I., Shesternina Yu. *Ugolovnaja justicija Rossii v 2009 g. Kompleksnyj analiz sudebnoj statistiki* [The Russian Criminal Justice in 2009. The Analysis of the Court Statistics] St. Petersburg: IPP EU SPb

Smirnov A. (2014) Rossiiskii ugolovnyi protsess: ot zakata do rassveta, [Russian Criminal Procedure: from Sunset to Daybreak], *RAPSI*. (http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html)

Solan L., Tiersma P. (2010) *Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*, Univ. of Chicago Press.

Sutton J. (2001) *Law/Society. Origins, Interactions and Change*, Sage.

Tiersma P. (1999) *Legal Language*, Univ. of Chicago Press

Titaev K. (2014) Ekspansiia iuridicheskoi professii: iuridikalizatsiia biurokraticheskogo iazyka v Rossii. Postanovochnoe esse [The Expansion of the Legal Profession: the juridicalization of the Bureaucratic Language in Russia. A Preliminary Essay]. D. Dimke, K. Titaev, S. Shmidt (ed.) *Obratnaia sviaz': kniga dlia chteniia. Sbornik statei i esse k 60-letiiu Mikhaila Rozhanskogo*, SPb; Irkutsk: Norma, Tsentr nezavisimykh sotsial'nykh issledovanii i obrazovaniia: 269–276.

Titov B. (2014) Biznes pod «stat'ei», [The Business under the Conviction], *Vedomosti*, 12/02.

Vago S. (2012) *Law and Society* (10th ed.), Prentice Hall.

Vasil'ev V., Usmanov U. (2011) *Prakticheskoe rukovodstvo sledovatelia*, [The Practical Guide for Investigator], M.: PRIOR

Volkov V. (ed.) (2012a) *Kak sud'i prinimaiut resheniia: empiricheskie issledovaniia prava*, [How Do Judges Make the Decisions: Empirical Legal Studies], M.: Statut.

Volkov V. (ed.), Chetverikova I., Paneyakh E., Pozdnyakov M., Titaev K., Shklyaruk M. (2012b) *Diagnostika raboty pravookhranitel'nykh organov RF i vypolneniia imi politseiskoi funktsii*, [The Diagnosing for the Russian Criminal Justice System and Their Performance in the Policework], SPb: IPP pri EU SPb.

Volkov V. (ed.), Dzmitriyeva A., Pozdniakov M., Titaev K. (2012c) *Rossiiskie sud'i kak professional'naia gruppa: sotsiologicheskoe issledovanie*, [Russian Judges as a Professional Group: a Sociological Research], SPb: IPP pri EU SPb.

Volkov V. (red.), Dzmitriyeva A., Pozdniakov M., Titaev K. (2015) *Rossiiskie sud'i: professional'naia situatsiia*, [Russian Judges: a Professional Situation], M.: Norma (forcoming)

Volkov V., Titaev K. (2013) Lish' 8% obviniaemykh gotovy borot'sia za svoe dobroe imia. [Only 8% of Accused Persons are Ready for Protecting Their Reputation], *Vedomosti*, 02/28.

Zhogin N. (1971) *Rukovodstvo dlia sledovatelei* [The Guide for Investigators]. M.: Iuridicheskaia literatura.